

ИМЕННОЕ СКАЗУЕМОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»)

Т. В. Сатина

Финансовый университет при Правительстве РФ

Поступила в редакцию 19 октября 2023 г.

Аннотация: задача поэтики — анализируя художественное произведение, объединить лингвистический аспект и литературоведческий. Современная филология не стремится противопоставлять лингвистику и литературоведение, отсюда актуальность и продуктивность изучения проекций синтаксической структуры в художественной литературе. Любое художественное произведение имеет первоэлементы, которые являются весомыми в структурном и семантическом плане. Для наблюдения в качестве таких первоэлементов нами выбрано составное именное сказуемое в его функционировании (на материале романа А. Белого «Петербург»).

Ключевые слова: А. Белый «Петербург», составное именное сказуемое, лингвистическая поэтика, сказуемое, синтаксис.

Abstract: the task of poetics is to combine the linguistic aspect and the literary aspect by analyzing a work of art. Modern philology does not seek to contrast linguistics and literary studies, hence the relevance and productivity of studying the projections of syntactic structure in fiction. Any work of art has primary elements that are significant in structural and semantic terms. For observation, as such primary elements, we have chosen a compound nominal predicate in its functioning (based on the material of A. Bely's novel "Petersburg").

Keywords: A. Bely "Petersburg", compound nominal predicate, linguistic poetics, predicate, syntax.

Художественное пространство текста может успешно и плодотворно познаваться через его составляющие и их взаимодействие, даже если своеобразие компонентов, не обладающих ярко выраженными стилистическими потенциями, непосредственно не бросается в глаза. Всё же именно в тексте элементы всех уровней языка / речи в полной мере реализуют свой структурно-функциональный и художественный потенциал [1]. Современные успехи в интеграции филологического знания позволяют углубить понимание взаимодействия формы и содержания, рассматривать компоненты и категории художественного текста, по образному выражению академика Н. М. Шанского, под лингвистическим микроскопом [2]. Сложился современный подход к анализу единиц художественного текста, базирующийся на синтезе традиционных лингвистических приемов и методов исследования идиостиля писателя. В то же время в лингвистической поэтике, несмотря на то, что изучению языковых средств в художественных текстах и в идиостиле писателя посвящены серьезные работы (В. В. Виноградов [3], [4], Г. О. Винокур [5], [6], Д. Н. Шмелёв [7], В. П. Григорьев [8], [9], И. Р. Гальперин [10], [11] и др.), все еще остается малоизученной и актуальной проблема текстообразующих возможностей единиц разных языковых уровней. В полной мере это касается

и единиц синтаксиса: целесообразно соотнести их предложенческие функциональные способности с художественным шифром текста. Особенности авторского идиостиля проявляются на всех языковых уровнях, включая синтаксический. Проникновение в пласты текста, сбор соответствующего материала могут позволить сделать некоторые выводы о специфике функционирования той или иной конструкции (имеем в виду при этом центральное положение предложения в системе синтаксиса).

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть сочетание языковых аспектов синтаксиса с речевыми (на материале романа А. Белого «Петербург», а именно на извлеченных из текста при сплошной выборке именных сказуемых). При этом целью работы является анализ именного сказуемого как одного из типов сказуемого, а также как потенциально текстообразующего элемента. Конструкция относится к широко употребительным в романе и может быть подвергнута классификационному описанию. Учитывая системную комплиментарность синтаксиса, уместным является синтезированный подход к изучаемому грамматическому феномену, поэтому естественным будет проникновение в механизм сборки составного именного сказуемого и учет лексико-грамматических качеств его строевых компонентов. В любом случае словоформа в ее синтаксическом использовании наращивает определенное синтаксическое значение. В то же время прецедент

неоднословной формы как минимальной синтактико-семантической единицы языка, несущей обобщенный категориальный смысл и характеризующейся взаимодействием морфологических, семантических и функциональных признаков [12, 4] учитывает семантический и синтаксический потенциал формы, то есть особенности ее функционирования в синтаксических конструкциях.

Составное глагольное сказуемое находится на пересечении двух разнородных оппозиций: по способу раздельно / слитно выражать значение оно противопоставлено простому глагольному, а по морфологическому выражению присвязочного компонента — именному. Составное же именное сказуемое противопоставлено лишь глагольному сказуемому: реализуется только оппозиция по морфологическому способу выражения, а соотношение с простым членом оппозиции системно, но существует как чисто условное: такой тип сказуемого принципиально отсутствует в парадигме. Напр.: *Невский Проспект прямолинейен (говоря между нами), потому что он — европейский проспект; всякий же европейский проспект есть не просто проспект, а (как я уже сказал) проспект европейский, потому что... да...*

Потому что Невский Проспект — прямолинейный проспект [13, 9].

В любом составном сказуемом сосуществуют две части, что, однако, не ведет к избыточности — ни к семантической, ни к функциональной. Каждый компонент составного именного сказуемого нуждается в другом и дополняет его, модифицируя свои свойства и образуя один член предложения. В этом заключается аналитизм неоднословного члена предложения. Следует обратить внимание на то, что бинарность конструкции предопределила два тесно связанных между собой направления в изучении именного сказуемого: описание особенностей 1) связки (свойства, семантика, роль в предложении, функция в конструкции составного сказуемого, типология); 2) присвязочного компонента (семантические, морфологические конструктивные, функциональные характеристики, статус в конструкции сказуемого).

Составное сказуемое, какого бы морфологического типа оно ни было, представляет собой конструкцию определенного состава: основная часть дополняется вспомогательной частью. В этом построении урегулированы и уравновешены роли компонентов члена предложения, соединение которых модифицирует и распределяет лексическое и грамматическое начало.

При исследовании компонентов составного сказуемого именного типа может быть сделано уточнение относительно того, что выступает в качестве вспомогательной части и каково материальное выражение основной части. Свойства цельного словосочетания, присущие составному глагольному сказуемому, не реализуются в составном именном

сказуемом, так как вспомогательная часть не является самостоятельным словом, способным формировать словосочетание (отметим, что неслучайно она называется именно связкой, т.е. терминология точна в констатации ее роли). Итак, вспомогательную роль выполняет глагол-связка, а присвязочный именной компонент может быть представлен любой словоформой, кроме инфинитива.

Если связка в какой-то мере еще может соперничать с присвязочным компонентом в выражении лексического значения, то выражение грамматического значения — это полностью прерогатива связок, которые обеспечивают сказуемое грамматически в категориях наклонения, времени, лица (в то же время по способности в той или иной мере удерживать и манифестировать лексическое значение и их реальной грамматизации происходит разделение связок на типы). Углубление в формальные характеристики сказуемого требует подробной классификации обоих компонентов, однако размер и жанр данного исследования позволяют остановиться лишь на одном аспекте, поэтому представим здесь лишь некоторые характеристики присвязочного компонента.

Семантика именной части составного именного сказуемого разнообразна по формальному выражению и значению. С одной стороны, исчерпывающая характеристика этой части конструкции возможна в каждом конкретном случае лишь при условии ее подробного и многоаспектного описания в структурно-семантическом разрезе, например с учетом структурной схемы предложения (по крайней мере требуется знать, односоставное или двусоставное предложение обслуживает сказуемое). С другой стороны, при описании предмета изучения исходной точкой может быть и морфологическое наполнение его присвязочной части. «Действительно, формы морфологических категорий (хотя и не всех) в предложениях на основе синтаксической связи передают ту или иную семантику, которую соответственно и можно назвать синтаксической семантикой» [14, 51]. Таким образом, располагаясь в особом поле встречно направленных параметров, составное именное сказуемое проявляет себя как многомерный предмет и требует послойного истолкования.

Семантику этого члена предложения даже в самом общем виде не удастся интерпретировать однозначно: в ней прямо или косвенно отражается факт корреляции сказуемого с подлежащим (если предложение двусоставное) или принципиального отсутствия подлежащего (в односоставном предложении).

В двусоставном предложении через составное именное сказуемое, как правило, выражается общее значение пассивного признака, которое проявляется в различных частных значениях. В плане качественных значений предикцируемый признак у сказуемого имеет определенное сходство с атрибутивным признаком определения, хотя и жестко

ориентируется на подлежащее, характеризует его каким-либо образом и разворачивается непосредственно в предложении. Ср.: <...> *Рука дедяная ма-нила; позади него — в неизмеримости убежали века; впереди — дедяная рука открывала: неизмеримости; неизмеримости полетели навстречу. Рука дедяная!* [13, 410] Атрибутивный определитель *дедяная (рука)* воспринимается как двойственный: он мыслится как существенный, но абстрактный признак, независимый, неотъемлемый от предмета характеристики (эти непредикативные формы принимают участие в построении словосочетания); сказуемое существует для называния свойства самого по себе, признака временного, непостоянного (при помощи связок участвует в конструировании предложения: *Рука дедяная!*). В некоторых случаях сказуемое раскрывает свои способности в обозначении физиологического или психологического состояния лица, названного подлежащим (существительное с разнообразным значением или личное местоимение): <...> *Аполлон Аполлонович оказался в синей броне* <...> [13, 139]; *Он был своей собственной тенью* [13, 28]. В то же время составное именное сказуемое идеально подходит для выражения семантики тождества: *Бомба — быстрое расширение газов*... [13, 227]; *И одна убежавшая мысль была мыслью о том, что незнакомец существует действительно, мысль забежала обратно в сенаторский мозг* [13, 27]. *Быстрое расширение газов, была мыслью* — составные именные сказуемые (последнее именное сказуемое, со своеобразным повтором, необычайно характерно для исследуемого текста).

В односоставном предложении данное сказуемое мало ограничено конструктивными обязательствами по отношению к подлежащему, однако вполне определено можно говорить о его семантике: формируя в качестве основы односоставное безличное предложение, сказуемое передает широкое значение состояния кого-либо или чего-либо (физиологическое или психологическое, физическое или внутреннее состояние человека; состояние человека, обусловленное отсутствием чего-то; действие-состояние природы, действие-состояние стихии). Напр.: *Эта последняя фраза, как и превращение Шишнарфиева в Шишнарфнэ, опять что-то сонно напомнили: было мерзко, тоскливо, томительно* [13, 292].

Укажем также на такую конструктивную особенность именной части сказуемого: по структуре различаются именная часть, представленная 1) отдельным словом, при этом фразеологизм равен слову (*Я — провокаатор* [13, 91]; *А что, Семеныч, скажите: арбуз — ягода?* [13, 408]) и 2) сочетанием слов (*Николай Аполлонович был бледней полотна* [13, 186]; *Потому что Невский Проспект — прямолинейный проспект* [13, 9]). Другая структурная особенность: присвязочным компонентом могут выступать как изменяемые (существительное, прилагательное, числительное, местоимение), так и неизменяемые

(категория состояния, наречие, деепричастие, инфинитив) формы именной части.

В тексте романа А. Белого «Петербург» присвязочные компоненты представлены богато и разнообразно — как с точки зрения семантических оттенков, так и в плане формального выражения. В то же время наполнение этих компонентов соответствует традиционным воззрениям на их типы и виды [15; 16]. Проиллюстрируем рубрики материалом из романа, акцентируя внимание на необычных конструкциях и оттенках семантики.

Имя прилагательное — краткое или полное: <...> *А в обычные времена Аполлон Аполлонович был с лакеями до обидности отменно вежлив и чопорен (за исключением шуток)* [13, 399]; в том числе в сравнительной форме: <...> *Каменные сенаторские глаза, окруженные черно-зеленым провалом, в минуты усталости казались синей и громადней* [13, 13].

Имя существительное (в именительном или косвенном падежах): *Туда пролетели дракончики, что были расшиты на переливном халате (ведь халат стал щелью); в глубине мерцали там звездочки... [13, 237]; <...> *Разорвутся сердца: самая разорвется планета; и всё станет газом* <...> [13, 402]; *Арбуз, ваше высокопревосходительство, не ягода во все, а — овощ* [13, 408].*

Причастие (страдательное) — краткое или полное: <...> *Любопытнее всего, что с колена ноги, на которую он прихрамывал, сукно было содрано* <...> [13, 393]; *Туда пролетели дракончики, что были расшиты на переливном халате* <...> [13, 237]; <...> *И — трепался лоскут; был приподнят студенческий сюртук под накидкой, горбя спину и грудь; между целой и оторванной сюртучною фалдой пляшущий хлястик выдавался наружу* <...> [13, 393]; <...> *Его поразило, что стол был не заперт; выдавался предательски ящик; он был полувыдвинут* <...> [13, 393]; *Коленька стал как-то скрытен*... [13, 402].

Слова категории состояния: <...> *Ему стало тошно от ужаса* <...> [13, 183]; *Крайне, крайне печально: мое поведение ...* [13, 256].

Фразеологизм: *Здесь был он последней инстанцией — донесений, прошений и телеграмм* [13, 50].

В романе А. Белого «Петербург» немало примеров своеобразного семантического подтягивания к типичному присвязочному компоненту слов, необходимых для выражения цели сообщения: *Знаете ли — знаешь ли: трудное положение — быть государственным человеком* <...> [13, 409]; *Аполлон Аполлонович Аблеухов был весьма почтенного рода: он имел своим предком Адама* [13, 11]; *Николай Аполлонович был сенаторский сын* [13, 12]; *Лента, носимая им, была синяя лента* [13, 12]; <...> *И отец показался ему просто так себе, так себе: показался маленьким, стареньким — показался бесперым курёнком* <...> [13, 183]; *В этом пляшущем доме он был, само собой разумеется, Николаем Петровичем, главой дома и ро-*

дителем двух хорошеньких девочек восемнадцати и пятнадцати лет [13, 150].

В тексте романа разные формы присвязочного компонента часто причудливо соединяются в своей характеризующей синтаксической роли: *И это не главное: несравненно важнее здесь то, что благородно рожденный предок был Сим, то есть сам прародитель семитских, хеситских и краснокожих народностей* [13, 11]; *<...> Всякая вещь, даже более того, — всякое название вещи после чтения этих трактатов казалась нелепым, и наоборот: все мыслимое оказывалось совершенно безвещным, беспредметным* [13, 93]; *<...> Инвентарь был зарегистрирован в порядке и установлена номенклатура всех полок и полочек* *<...>* [13, 14]; *<...> Право, право же: выглядел Николай Аполлонович хромоногим, горбатым, и — с хвостиком* *<...>* [13, 393].

Подводя итоги, следует отметить, что морфология остается одной из малоисследованных областей поэтического языка. Среди явлений поэтической морфологии особого внимания заслуживают словоформы как первоэлементы синтаксиса, что переводит тему нашего исследования в разряд перспективных. Структурно-семантический подход, установившийся в синтаксисе, позволяет решать задачи морфологического синтаксиса в межуровневой плоскости системы языка. На современном этапе развития лингвистики при решении задач машинного анализа информации, аналитической обработки произведений речи, машинного перевода проникновение в формальную структуру художественного текста окажется добротным подспорьем при построении модели представления текста. Определение предикатного слова, его классификация, анализ, проникновение внутрь одного его типа живо соотносится с установкой современной филологии на то, что уже невозможно и бесперспективно противопоставлять лингвистику литературоведению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сатина Т. В. Простое глагольное сказуемое в художественном контексте / Т. В. Сатина // Вестник Воронеж-

Финансовый университет при Правительстве РФ
Сатина Т. В., доцент Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации
E-mail: sattv.75@mail.ru

ского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — № 1. — С. 97–105.

2. Шанский Н. М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом / Н. М. Шанский. — М.: Просвещение, 1986. — 160 с.

3. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей / В. В. Виноградов. — М.: Гослитиздат, 1961. — 614 с.

4. Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы / В. В. Виноградов. — М.: Наука, 1976. — 516 с.

5. Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика / Г. О. Винокур. — М.: Наука, 1990. — 452 с.

6. Винокур Г. О. О языке художественной литературы / Г. О. Винокур. — М.: Высшая школа, 1991. — 448 с.

7. Шмелев Д. Н. Избранные труды по русскому языку / Д. Н. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 887 с.

8. Григорьев В. П. Поэтика слова / В. П. Григорьев. — М.: Наука, 1979. — 343 с.

9. Григорьев В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников / В. П. Григорьев. — М.: Наука, 1983. — 225 с.

10. Гальперин И. Р. Лингвостилистика / И. Р. Гальперин. — М.: Прогресс, 1980. — 431 с.

11. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М.: КомКнига, 2006. — 144 с.

12. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова и др. — М.: Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова, 2004. — 544 с.

13. Белый А. Петербург: Роман в восьми главах с прологом и эпилогом / А. Белый. — М.: Наука, 1981. — 696 с.

14. Мухин А. М. Морфологические и синтаксические категории / А. М. Мухин // Исследования по языкознанию: К 70-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. — С. 51–55.

15. Скобликова Е. С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения / Е. С. Скобликова. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 320 с.

16. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке / П. А. Лекант. — М.: ИИУ МГОУ, 2017. — 128 с.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Satina T. V., associate professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication

E-mail: sattv.75@mail.ru